

Игорь Исаев

«ОСЕВОЕ ВРЕМЯ» КАРЛА ЯСПЕРСА И «НЕВИДИМАЯ ИСТОРИЯ»

«Невидимая история» представляет собой понятие, заимствованное современной политической наукой из оккультной ментальной сферы и герметического лексикона. Поскольку форма существования такой истории не хронологическая, постольку ее ход подчинен не причинно-следственной детерминированности, а механизмам символического интерпретирования. Основное событие этой истории объясняет внеисторический источник, который имеет структуру мифа.

При восприятии процессов «невидимой истории» важнее всего раскрыть смысл ее событий, а не устанавливать их последовательность. Главный смысл «невидимой истории» заключен в бесконечно повторяемом поиске первоначал: «исходная основа «невидимой истории» повторяет сказания основного мифа: церемонии посвящения ее осовременивают, как и магия, которая ее воскрешает» [1].

В периоды кризисов и перестройки, когда спонтанное и многофакторное воздействие внешней среды на массовое сознание лишает его устойчивых ориентиров, оно нередко обращается к феноменам «невидимой истории», находя в них следы заговора тайных сил, проявления трансцендентных влияний, наличие скрытых структур и т.п. Обычно подобный поворот сознания определяется как «поворот к иррациональному». В подобное положение попадает не только обыденное массовое сознание, но и, всегда претендующее на рациональность, политическое сознание. Социологическим условием подобного поворота мышления становится образование масс, наиболее подверженных (по сравнению с отдельными индивидами и органическими корпорациями) неконтролируемым влечениям и психическим регрессиям.

Предлагаемая К. Ясперсом концепция «осевого времени» включает в себя комплекс эмпирических событий, обусловивших резкий поворот человеческой истории, шедшей в направлении, которое в конечном счете привело ее к современному состоянию.

Синхронность и параллелизм такого поворота, зафиксированного в самых отдаленных частях света и различных культурах, вполне могут быть объяснены дей-

ствием таинственных законов и высшей духовной потенции [2]. К. Ясперс выражает уверенность, что «единые истоки человечества в начале доисторического времени столь же темны для нас, сколь темен будущий мир господствующего ныне на земном шаре человечества, которое, быть может, достигнет единства своего юридически упорядоченного, духовно и материально устремляющегося в бесконечность существования» [3].

С скачком человечества в историю может быть воспринят, как нечто непостижимое, как грехопадение, как вторжение чуждой силы: все, что создает историю, в конечном счете уничтожает человека: «история – процесс разрушения в образе некоего, быть может, грандиозного, фейерверка». Этот процесс необходимо повернуть вспять, вернуть к первоначальному блаженному состоянию человечества (К. Ясперс) [4]. Такова общая установка утопического и мифопоэтического сознания.

Именно такой тип мышления, наложенный на массу как его носителя, рождает представление о другой, «невидимой истории» человечества. Эпоха «осевого времени» подготовила предпосылки для нового прорыва, нового посвящения, в котором участвовали массы (сначала варварские, потом современные, цивилизованные). Человеческие массы Запада стали воображать, что именно на них легла миссия формирования мира по тем проектам, которые оказались заложенными в их духе. Значимым здесь стало христианское мировоззрение, определившее саму модель истории и исторического процесса. Стадии грехопадения, откровения, искупления и последнего суда становятся стадиями *истории*, никак не связанной с хронологией фактов и с профанным временем вообще.

Появляющаяся у человечества неудовлетворенность историей обусловлена осознанием наличия иной истории. Рождается стремление прорваться к той точке, которая предшествует нашей истории, «возвышается над ней, к основе бытия, откуда вся история представляется явлением, которое никогда не может быть внутренне «правильным», прорваться туда, где мы как бы приобщимся к знанию о сотворении мира и уже не будем полностью подвластны истории» [5]. (К. Ясперс с огорчением отмечает, что мы всегда находимся внутри истории и не располагаем вне ее архimedовой точкой опоры). Поверить в это – значит признать наличие другой неэмпирической, тайной истории, чего немецкий мыслитель сделать никак не хочет и не может.

К. Ясперс видит один из способов преодоления истории на путях в бессознательное, которое создает сам дух в своем движении по истории. Он видит этот путь не в

уклонении от истории или вознесении над ней, а в понимании истории в ее целостности: «Мы живем, не обладая знанием о единстве, но, поскольку мы живем, вырастаая из этого единства, наша жизнь в истории становится надисторической» [6]. К. Ясперс не желает выходить за пределы познаваемой истории, все подвергая проверке опытом и ощущением. Только пропущенная через сознание история остается историей.

Однако само это отрицание им другой истории, его борьба с ее смутными проявлениями, свидетельствуют о допущении таковой, хотя бы как факта. Существование и влияние сакральной истории могут осуществляться лишь на основе веры, не поддающейся рационализированию, а вера может быть как истинной, так и ложной. Прорвавшие «осевое время» и вышедшие на историческую арену массы не могут существовать без веры, – именно она, а не рефлексия и анализ, движет ими, и сам К. Ясперс это прекрасно показал.

Массовые психозы не могут быть объяснены рациональными мотивами. Но они – часть истории и значит – подчинены ее закономерностям. Некоторые, кажущиеся алогичными действия и факты также вписываются в своеобразные логические структуры, но это другая логика, она – та «хитрость разума», о которой говорил Г.-В.-Ф. Гегель. Здесь и разум, и логика иного порядка: они – атрибуты «невидимой истории».

«Невидимая история» через свои манифестации постоянно воздействует на историю земную, некосмическую. За каждой видимой причиной стоит причина невидимая. Закономерности этой истории не сводятся к причинно-следственным детерминациям: синхрония, аналогии, соответствия, как демонстрирует сам К. Ясперс феноменом своего «осевого времени», являются здесь определяющими факторами.

Эпоха масс и слепой техники – это прорыв «невидимой истории» в человеческий мир. Разум и рационализм не в силах осознать и сформулировать эти происходящие события, поскольку они выпадают из заранее заготовленной парадигмы. Только при помощи традиционных (в истинном смысле этого слова) и архаических понятий, таких как «воздаяние», «апокалипсис», «грехопадение», могут быть описаны те разрушительные последствия, которые следуют за этим прорывом. Возврат к изначальному состоянию, Раю или Аду, сопровождается мифом о вечном возвращении. Мифоэтическое сознание, толкующее о первоначалах и первоистоках, оказывается более действенным, чем рационалистическое планирова-

ние и прогнозирование, будучи путеводителем по «невидимой истории».

К. Ясперс размышляет: «Если придет новое осевое время, то только в будущем, подобно тому, как первое осевое время пришло лишь после того, как были открыты основополагающие условия человеческой жизни... Но это новое осевое время, которое, быть может, явит собой единую, охватывающую весь мир действительность, мы представить себе не можем. Предвосхитить его в нашем воображении означало бы создать его. Никто не знает, что оно нам принесет» [7]. И это будет уже другим вхождением, это будет возвращение «осевого времени» в исходную для него и «невидимую историю».

1. Настаф А. Мэтры оккультизма. СПб., 2002. С. 77–78.
2. К. Ясперс цитирует В. Штрауса, толковавшего о действии тайного закона, однако не соглашается с подобной универсалистской трактовкой этого фактора. (Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 45.)
3. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 54.
4. Там же. С. 75.
5. Там же. С. 277.
6. Там же. С. 279–280.
7. Там же. С. 114.